

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Финита
ля трагедия

ЭКСМО

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Финита ля трагедия

«ЭКСМО»

2014

Александрова Н. Н.

Финита ля трагедия / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2014 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Вызвавшись подвезти незнакомую девушку, Павел Петрович и не думал, что добрый поступок принесет ему столько неприятностей. А всему виной эта самая девушка, случайно перепутавшая папки с документами и вместо своей, с каким-то непонятным списком, забравшая папку Павла Петровича, в которой лежали важные бумаги для французского посольства. Теперь, если он в ближайшие дни не отыщет незнакомку, о долгожданной поездке в Париж придется забыть. Помочь другу соглашается сыщица-любительница Надежда Лебедева, благо муж уехал в командировку и помешать ей не сможет... Книга также издавалась под названием «Макияж для гадюки».

© Александрова Н. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Понедельник, 19 июня	5
Вторник, 20 июня	13
Среда, 21 июня	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталья Александрова

Финита ля трагедия

Понедельник, 19 июня

Павел Петрович проехал очередной светофор и прибавил газу. Скорей бы проскочить шумный Московский проспект и свернуть на более спокойную улицу. Середина дня, самое горячее время. На месте властей города он бы серьезно задумался, как бороться с пробками. Машин становится все больше, скоро дорог просто не хватит...

Хотя сегодня у него такое отличное настроение, что о плохом думать совсем не хочется. Павел Петрович нажал кнопку магнитолы, и салон машины заполнил голос Джона Леннона. Уж если слушать музыку в машине, то только хорошую. «Beatles» он полюбил с юности.

Откуда ни возьмись, выскочила вдруг ярко-красная двухместная «Ауди», Павел Петрович едва успел притормозить. Верх машины по летнему времени был поднят, и он увидел, что за рулем сидит шикарная загорелая девица в открытой маечке, а рядом – не менее шикарная подружка. Ишь, гоняют как... Обычно женщины за рулем более осторожны, но этим, видно, все нипочем.

На его скромную «девятку» девицы даже не взглянули. Ну и ладно, не нужна нам их «Ауди», поедем на своей. Ничего еще, бегают...

Такой пустяк, конечно, не мог испортить ему настроение. Павел Петрович был очень доволен, да что там, он был просто счастлив в этот ясный летний денек!

Во-первых, северное петербургское лето в этом году наступило, как положено, в начале июня, и вот уже вторую неделю стояла чудесная теплая погода. Сегодня было, пожалуй, жарковато, но ночью прошел дождь, так что пыли на улицах не было, и деревья стояли ярко-зеленые, умытые.

Во-вторых, так получилось, что Павел Петрович, имея многочисленную семью, на данный момент остался в квартире один. Жена с внуком уехали неделю назад в Крым к родственникам, сын с невесткой по горящей путевке собрались вдруг в Турцию, собаку отвезли к другим родственникам на дачу.

Павел Петрович очень любил свою семью, но в неожиданном одиночестве тоже можно найти свою прелесть. Никто не будет заставлять рано ложиться спать и отбирать за столом книгу. Никто не станет выговаривать за то, что он пьет слишком много кофе. И кофе он заварит сам, крепкий и сладкий, как любит...

Павел Петрович был профессором, работал в учебном институте, так что дела его в июне заканчивались, и предстоял большой отпуск.

И в-третьих, что самое приятное, старый приятель Гийом из крупного французского университета прислал ему приглашение на конференцию по навигационным системам. Конференция не слишком крупная, но это даже неплохо. Продлится она всего четыре дня, проходить будет в маленьком университетском городке под Парижем. А потом Гийом обещал свозить его на Луару, где у него небольшой домик и винный погреб... В прошлый приезд Павел Петрович научил его делать настоящие шашлыки.

Гийом переслал приглашение через знакомую француженку, и именно сегодня Павел Петрович встретил ее в аэропорту. Вот оно, приглашение, лежит рядом на сиденье в розовой пластиковой папочке, застегнутой на кнопочку. Так что жизнь прекрасна и будет еще лучше.

«Let it be!» – самозабвенно выводил Джон, и Павел Петрович чуть было не стал подпевать кумиру своей далекой молодости. Показались монументальные сталинские дома с башнями, а вот и парк Победы. Стало так много машин, что пришлось снизить скорость и сосредоточиться

на дороге. Миновав парк, Павел Петрович краем глаза заметил сбоку на тротуаре какое-то движение. То есть народу-то было много, потому что служащие из многочисленных офисов, расположенных на Московском проспекте, устремились на ланч. Павел Петрович глянул на часы – четверть второго, как раз самое время.

Он заметил девушку сразу. Точнее, если быть честным, сначала он заметил ее ножки. Очень стройные длинные ножки с тонкими изящными щиколотками и подтянутыми икрами, в хороших туфлях на высоком каблуке. Юбка на девушке была короткой и не мешала рассматривать ноги. Потом Павел Петрович разглядел ее всю. Девушка была стройна и худощава, но далеко не плоская. У нее были стриженные темные волосы, но не слишком короткие, все в норме. Девушка стояла на краю тротуара, за ней виднелась вывеска китайского ресторанчика, Павел Петрович понял это по иероглифам. Да еще цветные бумажные фонарики покачивались на легком ветерке. Девушка подняла руку, и Павел Петрович заранее перестроился в крайний ряд и начал притормаживать. В это самое время из дверей китайского ресторана выскочил крупный мужчина в голубой рубашке с короткими рукавами и серых, хорошо отглаженных брюках. Одним прыжком мужчина приблизился к девушке и схватил ее за локоть. Вид у него был очень взволнованный, если не сердитый. Он начал что-то быстро говорить, размахивая свободной рукой. Павел Петрович нахмурился – он не любил, когда грубо разговаривают с женщинами. Мужчина вообще ему сразу же не понравился – слишком уж по-хозяйски держался, да еще и волосы у него были отличные – лежали светлой мягкой волной.

Павел Петрович несколько лет назад начал лысеть. Да ладно бы еще со лба, по-благородному. Так нет же, у него просматривалась вполне отчетливая плешка на затылке.

«От чужих подушек!» – подшучивала жена, а Павел Петрович делал честные глаза.

Со временем плешка трансформировалась в самую настоящую лысину, жена перестала шутить на эту тему, а Павел Петрович неосознанно стал завидовать людям с густыми волосами. У этого же мужчины были еще толстые детские щеки и чуть вздернутый нос. Но тем большим диссонансом выглядело его грубое обращение с девушкой.

К тому времени, как Павел Петрович притормозил возле поребрика, девушка уже вырвала свою руку у мужчины и что-то прошипела ему сквозь зубы.

– Ты не понимаешь, что делаешь! – кричал тот.

– Вас подвезти? – вежливо осведомился Павел Петрович, открывая переднюю дверцу.

Мужчина в голубой рубашке посмотрел на него волком, а девушка молча села в машину и захлопнула дверцу перед самым носом настырного мужика.

– Ты об этом пожалеешь! – крикнул мужчина, но Павел Петрович рывком тронул машину с места, и мужчина остался сзади.

– Куда прикажете? – улыбнулся он девушке.

– Прямо! – буркнула она, не взглянув на него.

Павел Петрович слегка обиделся. Уж могла бы быть и полюбезнее. Он замолчал и выключил музыку, надеясь вызвать все же девушку на разговор, а сам посматривал на нее искоса. Симпатичная такая девица, все при ней. В салоне запахло духами, но запах ненавязчивый, свежий. На девушке был надет бордовый костюмчик из легкой ткани, Павел Петрович не слишком хорошо разбирался в таких вещах. Очевидно, работает в солидной фирме, а то и в банке, раз в такую жару даже колготки заставляют надевать...

Девушка беспокойно пошевелилась и глянула с досадой. Павел Петрович слегка устыдился, но через несколько минут снова принялся рассматривать девушку. Интересно, кто она такая? Секретарша в крупной фирме? Офис-менеджер, как теперь говорят... Или бухгалтер? Пожалуй, второе... В руках у девушки была крошечная кожаная сумочка под цвет костюма, а под мышкой розовая пластиковая папка с документами, застегивающаяся на кнопочку.

Девушка все время нервно оглядывалась, так что Павел Петрович не выдержал:

– Боитесь, что он будет вас преследовать? Кем он вам приходится? Неужели это шеф такой грозный?

Девица поглядела сердито и пробормотала сквозь зубы что-то типа «не ваше дело». Павел Петрович окончательно замолчал.

Отчего это, думал он, на всех молодых и деловых женщинах обязательно присутствует налет этакой легкой стервозности? Может, они думают, что это придает им больший вес в глазах окружающих? Или просто не могут себе позволить быть милыми и приветливыми, потому что это посчитают за слабость в их суровом деловом мире?

Павел Петрович усмехнулся, и тут какой-то наглый тип на темно-зеленом «Мерседесе» вывернул из проезда между домами и подставил бок. Павла Петровича спасла от столкновения только многолетняя водительская практика. Мозг не успел бы отдать приказ, нога сама нажала на тормоз. Машина затормозила так резко, что девушка рядом упала вперед, а сам Павел Петрович весьма ощутимо ударился о руль. Тот тип на «мерсе» был кругом виноват, но высунулся в окно и крикнул что-то обидное.

Водитель «Опеля», едущего сзади, негодуя загудел, и в этом звуке не слышно было крепкого словца, пущенного Павлом Петровичем.

– Паразит какой! – крикнул он. – Вы не ушиблись?

Девушка уселась на сиденье, ощупала голову и сказала, что с ней все в порядке. Свою папочку она подняла с пола и прижала к груди.

– Сверните на Обводный, пожалуйста, – попросила она, снова беспокойно оглянувшись, – тут недалеко...

Они проехали магазин модной одежды, потом детскую музыкальную школу имени композитора Бортнянского, потом жилой дом, и тут девушка попросила остановиться.

– Что вы, – сказал Павел Петрович, заметив, что она открыла сумочку, – не нужно денег, я рад был оказать вам услугу!

– Спасибо, – девушка наконец улыбнулась.

Улыбка у нее была хорошая, но несколько беспокойная. Прежде чем выйти из машины, она настороженно огляделась по сторонам, и Павел Петрович понял наконец, что она чего-то или кого-то очень боится, оттого такая нервная и нелюбезная.

– Послушайте... – прежде чем закрыть дверцу, девушка вдруг заколебалась... – хотя нет...

– Говорите же! – ободрил ее Павел Петрович.

– Не могли бы вы... вы можете подождать меня буквально пять минут... я ненадолго...

– Конечно! – с излишней горячностью согласился Павел Петрович. – Мне это не составит никакого труда!

Девушка выскочила из машины и убежала в проход между домами, крикнув, чтобы он ждал ее пять-семь минут, максимум десять. Павел Петрович развернулся на пяточке и подождал пять минут. Девушка не выходила. Тогда он вышел из машины и заглянул в проход между домами. С одной стороны он увидел жилой дом с несколькими подъездами. Напротив был глухой бетонный забор, сбоку – торец еще одного жилого дома не только без дверей, но и без окон, а впереди виднелось невысокое одноэтажное здание – не то кочегарка, не то прачечная. Надо думать, девушка зашла в жилой дом и скоро выйдет.

В это время с набережной Обводного канала завернул сверкающий джип «Чероки» малинового цвета, остановился перед машиной Павла Петровича и недоуменно застыл. Из джипа вылез здоровенный детина, такой широкий в плечах, что за ним спокойно могло бы укрыться от ветра пионерское звено, в полном составе вышедшее на прогулку. Морда у водителя джипа тоже была такая широкая, что глаза, нос и рот просто на ней терялись.

«Ну и ряху наел! – поразился Павел Петрович. – На такой ряхе только в футбол играть!»

Он засомневался, не будет ли все же мешать нос, и в это время заметил, что владелец замечательной физиономии шагнул в его сторону с самым угрожающим видом.

– Ну? – спросил парень Павла Петровича.

– Что – ну? – ответил тот, невольно отступая назад.

– Ты чего это тут встал? – Парень пер как танк.

– А что – нельзя? – Павел Петрович отступал, краем глаза поглядывая в проход между домами, не покажется ли девушка.

– Нельзя, – не моргнув глазом, ответил парень, – потому что тут я стою, Зойку жду. Так что отъезжай срочно, а то сам твою лоханку ржавую сдвину.

– Уж какая есть! – Павел Петрович обиделся за свою «девятку».

Как ни странно, громила обиду его понял и больше издеваться над выдавшей виды «девяткой» не стал. Павел Петрович съехал с пятка, но больше встать тут было решительно негде, кроме как возле соседней подворотни. Ворота, однако, были там свежепокрашенные, из чего Павел Петрович сделал вывод, что ими часто пользуются, и, стало быть, стоять перед ними нельзя. Он поглядел на часы – прошло уже семнадцать минут. Что ж, нужно уезжать, в конце концов, он не нанимался в извозчики к неизвестной девице. Небось нарочно сболтнула, чтобы он ее ждал, а сама и не собиралась приходить.

Павел Петрович решительно тронул машину с места и снова включил музыку. Понемногу настроение у него снова поднялось. Впереди была, конечно, неделя, полная разнообразных хлопот, завтра нужно с утра пораньше идти во французское консульство за визой, потом заскочить на работу, да еще жена оставила целый список неотложных хозяйственных дел... Зато через две недели, во вторник, он полетит в Париж... А может, задержаться там подольше? Интересно, на какой срок Гийом прислал приглашение?

Павел Петрович скосил глаза на сиденье рядом с собой и обмер: розовой папки не было. Сердце его глухо екнуло, он притормозил возле троллейбусной остановки и сунул руку под сиденье. Хмурое лицо его тотчас разгладилось, так как он почувствовал под руками пластиковую папку. Все ясно: она упала вниз, когда тот мерзавец на зеленом «Мерседесе» выскочил перед ним так внезапно. Слава тебе господи, с приглашением ничего не случилось. Он вытащил папку и поднес ее к глазам. Что-то ему не понравилось. Не веря себе, он вытащил из папки листок бумаги, но вместо французских букв перед глазами замелькали какие-то русские фамилии. Сзади уже недовольно сигналили, и Павел Петрович, выругавшись, бросил папку рядом на сиденье. Это была не его папка. То есть сама папка была точной копией той, что дала ему сегодня француженка в аэропорту. Но вот ее содержимое было совершенно иным.

Павел Петрович вспомнил, что его пассажирка держала под мышкой точно такую же пластиковую папочку. И, конечно, это она перепутала папки, когда он внезапно затормозил из-за того типа, чтоб ему пусто было вместе с его «мерсом»!

На первом же перекрестке Павел Петрович развернулся, нарушая все правила, и поехал назад. Разумеется, никакой девушки на том месте не было, только детина из джипа подсаживал в машину здоровенную, под стать ему, девицу в малиновом, под цвет джипа, платье. Павел Петрович только рукой махнул и поехал обратно, тщательно следя за дорогой, чтобы еще не оштрафовали вдобавок ко всем сегодняшним неприятностям.

Старый дурак, ругал он себя, загляделся на красивые ножки и совершенно потерял голову! Нужно было сразу же прибрать папочку подальше. А лучше всего вообще не останавливаться и не подсаживать никаких девиц! Ведь видел же, что она ссорится со своим мужиком, так и ехал бы себе мимо! Верно жена говорит, что горбатого могила исправит!

Тут же перед Павлом Петровичем встало сердитое лицо жены и ее распахнутый в крике рот. Это было, когда какая-то сволочь с их кафедры позвонила жене и настучала, что он два раза подвозил домой молоденькую аспирантку Леночку Черевичкину. Павел Петрович пожегился, он не любил скандалов, да и кто их любит-то?..

Понемногу он успокоился и подумал, что девушка, обнаружив чужую папку, внимательно прочтает приглашение и найдет там его, Павла Петровича, фамилию и домашний адрес. Телефон в таком случае выяснить нетрудно, так что нужно ехать сейчас домой и ждать звонка девушки. Раз она так тряслась над своей папкой, то документы эти ей очень нужны, стало быть, у него, Павла Петровича, есть шанс получить свое приглашение обратно. Черт, как все здорово было еще час назад! И пожаловаться-то некому, и посоветоваться... Хотя, как это некому? Есть старый друг Сашка Лебедев, вечером он должен быть дома. Нужно обязательно к нему заехать, кстати, давно не виделись...

Надежда Николаевна так торопилась, что даже перебежала улицу в неположенном месте, хотя муж взял с нее слово, что она никогда не будет этого делать. Дескать, на улице и так обстановка сложная, так не надо еще усложнять себе и водителям жизнь. В принципе Надежда с мужем соглашалась. Когда она ехала на машине, то злилась на этих ненормальных, которые выскакивают прямо под колеса. Когда же она ходила пешком, то от души ненавидела автомобилистов, которые норовят тронуться с места раньше сигнала светофора, проскочить трамвайную остановку, не притормаживая, да еще окатить из ближайшей лужи. Но сегодня у нее масса дел, потому что муж вечером уезжает в командировку, а вещи еще не собраны.

Надежда открыла дверь своим ключом и, услышав голоса на кухне, очень удивилась.

– Ты уже дома? – спросила она, влетая в кухню и бросая сумки с продуктами прямо на пол.

Муж был дома и с ним – старый приятель Паша Соколов. Они были заняты разговором и замолчали, увидев ее. Паша обрадовался – давно не виделись, Надежда чмокнула его в щеку. Тут же материализовался кот Бейсик и устремился к брошенным сумкам с огромным интересом. Муж взял кота на себя, то есть отпихнул от сумок, и осведомился, как насчет ужина.

– Сейчас, только переоденусь! – крикнула Надежда, – а то жарко так...

На самом деле ее волновало другое. В просторной трехкомнатной квартире, где они с мужем жили в то время, как сын его с семьей работал по долгосрочному контракту в Канаде, был отличный балкон. И Надежда засадила весь балкон цветами. Были у нее и ноготки, и белая однолетняя гвоздика, и лобелия, растилающаяся синим сплошным ковром, и три вида петунии – синяя, красная и полосатая. Была розовая годеция и махровые бархатцы лимонного цвета. Эти еще не расцвели. И еще была Надеждина гордость – два ящика плющевидной герани. Сейчас по хорошей погоде многие бутоны распустились, и балкон заиграл всеми цветами радуги. Утром, решив, что в воздухе после ночного дождя много влаги, Надежда не стала цветы поливать. И, проболтавшись целый день по жаре, очень в этом раскаивалась, потому что балкон выходил на южную сторону, и пекло, надо думать, стояло там несусветное. Так и есть, цветы съезжились, головки их поникли, листья увяли. Прямого солнца на балконе уже не было, так что Надежда решила не мучить цветы ожиданием ночи и полить прямо сейчас. Набрав в лейку теплой воды из ведра, стоявшего тут же, она потихоньку продвигалась вдоль балкона, другой рукой опрыскивая цветы сверху из пластмассовой бутылки со специальной насадкой. И в это самое время до нее донеслись тревожные голоса мужа и его приятеля.

Дело было в том, что балкон был очень длинный, на комнату и кухню. То есть, находясь на балконе, можно было с него заглянуть на кухню через окно. Но Надежда не стала этого делать, а только внимательно прислушалась, сохраняя на лице незаинтересованное выражение. Прислушалась она потому, что сразу же, как только увидела мужа с приятелем, заподозрила неладное. Уж слишком быстро они замолчали при ее появлении. Нет, разумеется, мужа своего она ни в чем не подозревала, он никогда не давал ей ни малейшего повода. Насчет Павла, правда, ходили кое-какие слухи среди общих знакомых, что он слишком много внимания оказывает своим молоденьким аспиранткам. Но, как говорится, не пойман – не вор. И потом, все относительно. И уж не Надеждино дело выводить его на чистую воду, для этой цели у него

имеется собственная жена. Но если есть возможность, отчего бы не удовлетворить свое естественное любопытство. Вообще, есть ли на свете женщина, не обладающая этим качеством? Нет такой женщины, все они любопытны как сороки. Надежда не была исключением, только любопытство ее было несколько иного свойства, чем у остальных женщин.

Надежду Николаевну чрезвычайно интересовал криминал. Не подумайте плохого, она была женщина приличная и законопослушная, сама никаких криминальных поступков не совершала. И не слишком любила смотреть по телевизору передачи про воров в законе и войну крупных преступных группировок. Надежду интересовали разные криминальные истории, которые происходили с ее многочисленными знакомыми, на взгляд ее мужа Сан Саныча, слишком часто. Надежда обожала распутывать всевозможные криминальные загадки и делала это просто так, как говорится, из любви к искусству, потому что никаких материальных благ это ей не приносило. Морального удовлетворения, кстати, тоже, потому что Надежда все время боялась, что об очередной ее эскападе узнает муж, и тогда разразится грандиозный скандал. Муж очень опасался за здоровье и жизнь своей жены, и не без основания. Надежда не раз уже благодаря своему неумному любопытству и умению влезать в чужие криминальные дела, никак ее не касающиеся, попадала в такие ситуации, что спасало ее только везение. Она понимала, конечно, что и везению когда-нибудь настанет конец, но ничего не могла с собой поделать. Не зря говорят, что горбатого могила исправит... Сан Саныч так часто повторял эту поговорку, что Надежда, в конце концов, обиделась и упрекнула его как-то, что он каркает, как старая ворона. Муж на ворону, в свою очередь, обиделся, и Надежда еще оказалась виновата.

Она очнулась от своих мыслей и сосредоточилась на подслушиваемом разговоре.

– Ох, Павел, – выговаривал в это время Сан Саныч своему другу, – твое увлечение девушками не доведет тебя до добра.

– Да причем здесь это, – вяло возражал Павел Петрович, – просто решил помочь. Тот тип у ресторана так грубо с ней разговаривал, мог и ударить...

На улице был шумный летний вечер, галдели многочисленные дети, пенсионеры гулко забивали козла. Прямо под окном остановилась молодая мама с коляской и стала успокаивать своего истошно орущего младенца. Надежде было очень плохо слышно, она поняла только, что речь идет о девушке. Стало быть, муж из своей дурацкой мужской солидарности ей ничего не расскажет, и она останется в полном неведении. Надежда оглянулась по сторонам, потом присела на корточки и тихонько, гусиным шагом, как учил физрук в далеком пионерском детстве, продвинулась под окно кухни.

– Да вернет она тебе папку, не украла же она ее! – слышался успокаивающий голос мужа.

– Но не вернула же! – горевал Павел Петрович. – Я как дурак полдня дома просидел, хотя дел куча! Хотя какие теперь дела... Если приглашения я не получу до следующего понедельника, то все пропало, от поездки придется отказаться. Эти французы такие бюрократы, могут визу неделю оформлять! Так что времени в обрез! И девица эта какая-то подозрительная была, – после непродолжительного молчания сказал Павел Петрович, – я теперь припоминаю...

«Угу!» – подумала Надежда и наострила уши в предвкушении интересного. Но тут с ней заговорила соседка с верхнего этажа. В общем, даже не совсем соседка. Ее балкон был расположен этажом выше, да еще и наискосок, только так можно было разглядеть Надежду. Соседка эта была женщиной по-своему удивительной. Сильно пожилая и малоподвижная, она, не имея возможности гулять по улицам, все время проводила на балконе, одним глазом смотря на улицу, а другим – в комнату, на экран вечно работающего телевизора. Таким образом она оставалась в курсе всех событий – международных, происходящих в нашей стране, и локальных, происходящих во дворе собственного дома.

– Надя! – кричала старуха. – Как у тебя цветочки-то расцвели!

Поскольку прямого ответа на такое заявление не требовалось, Надежда подняла голову и улыбнулась старухе как можно приветливее.

– Просто душа радуется смотреть! – продолжала старуха, и снова Надежда закивала, как китайский болванчик.

Мужчины за окном говорили о чем-то, но Надежда плохо слышала, потому что хоть мамаша и укатила своего младенца, на ее место явились трое подростков с мопедом. Мотор у мопеда тарыхтел так оглушительно, что даже пенсионеры, забивавшие козла, возмутились. Во дворе поднялся крик. Старуха же на балконе говорила что-то насчет нерадивой Надеждиной невестки – у нее, дескать, балкон всегда пустой, глядеть противно.

Надежда была с невесткой в очень хороших отношениях, так что не следовало позволять малознакомой старухе так о невестке отзываться. Но во дворе стоял такой гвалт, что старуха все равно ничего бы не расслышала. Надежда только нахмурилась и грозно зашевелила губами. Старуха все поняла правильно и отвязалась.

Из разговора мужчин Надежде удалось узнать только то, что девушка была сильно напугана, просила Павла Петровича ее дождаться, а сама не пришла.

– Ну, вот она, допустим, завтра на работе хватится папки и обнаружит, что там не то, тогда тебе и позвонит, – утешал друга Сан Саныч.

Надежда на балконе прислушалась к себе и поняла, что она очень сомневается в том, что девушка позвонит. Вот отчего-то ей казалось, что девушка сделать это не сможет. Об этом говорило Надежде еле уловимое чувство, гнездившееся в корнях волос. Именно так она реагировала на очередную криминальную историю. И сейчас что-то подсказывало ей, что Павел попал именно в такую историю и что ему непременно нужно помочь из нее выпутаться. Но муж сегодня уезжает в командировку в Москву. И пробудет там больше недели, так что Паше он помочь не сможет. И Надеждин долг, как жены и честного человека, заступить на место Сан Саныча. Вот только как это обставить? Разумеется, Саше говорить ничего нельзя. Если он узнает, что Надежда подслушивала, ужас, что будет! Но что бы она, Надежда, сделала в первую очередь в данной ситуации? Она бы, уж конечно, не стала сидеть и ждать у моря погоды. Она завтра же поехала бы туда, где Павел Петрович в первый раз увидел девушку, то есть на Московский проспект. Время было обеденное, очень может быть, что они стояли возле какого-нибудь бистро или кафе. Возможно, они с тем мужчиной там пообедали. И очень возможно, что пообедали они там не в первый раз, так что персонал кафе их мог запомнить. Так что если опросить официантку эту пару, возможно, она кое-что и вспомнит. Не за так, конечно, но ведь игра стоит свеч! Во всяком случае, лучше действовать, чем сидеть дома и тупо пялиться на молчаливый телефон!

В это время на балкон явился кот Бейсик. Днем он старался не выходить, потому что не слишком любил прямые солнечные лучи, днем на балконе для него было слишком жарко. Кот заметил Надежду в странной позе и удивленно муркнул. Надежда прижала его к себе, чтобы не шумел. Кот молча выдирался.

– Слушай, а ты езжай завтра к тому китайскому ресторану, как он называется? – воскликнул вдруг Сан Саныч.

– «Цветок сливы», – вздохнул Павел, а Надежда в который раз поразилась, какой у нее умный муж.

– Встань на то же место и следи, может, она и придет обедать. Или мужчину того увидишь, про нее спросишь...

– Только это мне и остается, – уныло сказал Павел Петрович, – однако пойду я, может, она еще вечером позвонит...

– Да у тебя же автоответчик, а мы сейчас поужинаем... Надя! – крикнул муж. – Да куда же ты пропала?

Надежда, до этого боровшаяся с котом, метнулась к балконной двери, чтобы ее не застали за недостойным занятием, но попробуйте бежать «гусиным шагом»! Пришлось плюхнуться

на четвереньки и добираться до двери ползком. Что подумает старуха на верхнем балконе, Надежде было все равно.

Кот успел на кухню раньше: он просто прыгнул с балкона на подоконник раскрытого окна.

Вторник, 20 июня

На следующий день с утра стояла жуткая жара.

«У нас всегда так, – подумал Павел Петрович, – или уж дождь на месяц зарядит, а если солнце, то так шпарит, что сварисься живьем!»

Он провел отвратительную ночь – было душно, кусали комары и орали веселившиеся во дворе подростки. Впрочем, Павел Петрович и так не спал. Он корил себя за легкомысленное поведение и давал себе слово, что больше не взглянет ни на одну особу младше пятидесяти. И печень бы нужно обследовать, и кофе меньше пить, тут жена абсолютно права... с этой мыслью Павел Петрович наконец заснул, но сон его был тяжелый и не принес бодрости.

С утра никто ему не позвонил, и теперь Павел Петрович остановил машину напротив китайского ресторана «Цветок сливы» и откинулся на спинку сиденья, приготовившись к длительному ожиданию. Над входом в ресторан покачивались круглые бумажные фонарики. На большом витринном стекле красовалась улыбающаяся краснощекая девушка в китайском национальном костюме – рекламный плакат, немного отклеившийся с одного угла, и точно такая же девушка, только живая, стояла в дверях, улыбаясь и кланяясь входящим посетителям.

Посетителей было довольно много, видимо, в этот час забегали пообедать служащие из окрестных офисов. Мужчины в отутюженных брюках, белых рубашках, ярких галстуках, без пиджаков по случаю неожиданной жары; офисные девушки в легких льняных костюмах (летние платья строгий шеф не разрешает надевать), смешливые секретарши и самоуверенные бухгалтеры.

В машине сразу же стало жарко. Павел Петрович опустил стекло, вытер платком вспотевшую лысину. Легкий ветерок, пропахший разогретым асфальтом и бензиновой гарью, нисколько не освежал разгоряченное лицо. Вчерашней девушки пока не было видно, но он уговаривал себя не отчаиваться: может быть, задержалась у себя в конторе и еще появится...

Вдруг он насторожился. Через дорогу переходил крупный молодой мужчина в голубоватой рубашке. Его походка, фигура, густые светлые волосы показались Павлу Петровичу знакомыми. Подойдя к ресторану, мужчина оглянулся, и тут стало ясно, что это – именно тот человек, с которым ссорилась вчерашняя девушка, прежде чем сесть в машину к Павлу Петровичу: пухлые, как бы детские щеки, вздернутый нос, капризная складка между бровей.

Павел Петрович открыл дверцу машины. Он хотел догнать мужчину и заговорить с ним, но его опередили. К мужчине в голубой рубашке подошли два весьма подозрительных типа, одетые, несмотря на жару, в черные костюмы, схватили его под руки и грубо втолкнули в стоящий рядом черный автомобиль «БМВ» третьей серии. Сами похитители впрыгнули следом, и черная машина сорвалась с места.

Павел Петрович хотел захлопнуть дверцу и тронуться за ней, но в дверцу кто-то вцепился и потянул на себя. Подняв глаза, Соколов ахнул: перед ним стояла Надежда Лебедева, жена старого друга.

– Надя, ты как здесь... ты чего... – растерянно проговорил он, все еще инстинктивно пытаясь закрыть дверь.

Однако Надежда протиснулась в машину, устроилась рядом с Павлом на переднем сиденье, перевела дух и сердито проговорила:

– Даже и не думай от меня отвязаться! Не для того я целый час вялилась тут на солнце-пеке, уже как вобла стала! Меня скоро можно будет к пиву подавать! Живо рассказывай, кого ты заметил, что так подхватился!

Надежда была страшно зла на весь мир. Она явилась к ресторану «Цветок сливы» заранее, в половине первого, чтобы сориентироваться на местности. Окна в ресторане были завешаны бумажными картинками, что значительно осложняло наблюдение, так что в ресторан

Надежда войти не рискнула, чтобы не пропустить машину Павла. Она купила подтаявшее с одного бока мороженое, потом бутылку тепловатой минеральной воды, съела мороженое, попила водички – Павел все не приезжал. Люди текли мимо нее нескончаемым потоком, некоторые заходили в «Цветок сливы», среди них было довольно много молодых женщин, но ни одна не подходила под описание Павла – очень стройная шатенка с не слишком короткой стрижкой. Подходящего мужчины тоже не было. Сегодня с утра стояла жуткая жара, но пришлось надеть удобную для слежки одежду, то есть брюки. В брюках же, хоть и легких, было жарко, и Надежда понемногу накалялась от жары и от злости. Потом она не выдержала и отошла в тень автобусной остановки. Оттуда было плохо видно, да еще пристал какой-то потный тип с бутылкой пива в руке. В такой парилке типа здорово развезло, и он никак не мог сообразить, куда ему ехать. В результате Надежда чуть не пропустила Пашину «девятку».

– Ну? – рыкнула она. – Говори живо!

– С какой стати? – возмутился Соколов. – Некогда мне с тобой разговоры разговаривать, мне нужно ехать вот за той машиной! – Он показал на удаляющуюся черную «БМВ». – А то они сейчас скроются, и тогда...

– Поезжай, – согласилась Надежда, – расскажешь по дороге!

– Да с какой стати... – начал Павел Петрович, выворачивая в левый ряд и устремляясь за черной машиной, но, непонятно почему, все же начал рассказывать о своем вчерашнем приключении. Надежда задавала вопросы исключительно по существу.

– И вот теперь у меня срывается поездка! – огорченно проговорил он в заключение, резко выворачивая руль. – Самолет во вторник, а у меня нет приглашения! Просить повторное – неудобно, да и не успеть: пока пришлют, пока оформят визу, будет уже поздно... а такая интересная конференция!

Надежда все это уже знала, но притворилась, что слышит в первый раз, – ей было стыдно признаться, что вчера она подслушивала на балконе.

– Да, в Париже сейчас, наверное, здорово... – мечтательно протянула она.

– Один доклад профессора Верже чего стоит! – вздохнул Павел Петрович. – Я давно мечтал с ней познакомиться!

– С ней? – переспросила Надежда. – Это что – женщина?

– Ну да, – Соколов пожал плечами. – Жаклин Верже, замечательный специалист по системам слежения...

– Паша, ты просто неисправим! – усмехнулась Надежда. – Впрочем, это не мое дело...

– Вот именно, – ехидно ответил Павел, – поскольку профессору Верже шестьдесят четыре года, она уже свой возраст не скрывает.

– Так или иначе, ее система слежения нам бы сейчас не помешала, а то я уже потеряла из виду ту черную машину!

– Она свернула на Киевскую, – пробормотал Павел Петрович, поворачивая следом.

– Девушки своей, я так понимаю, ты не видел, – начала Надежда, – а в той машине...

– Они схватили того мужика, что был с ней вчера! Просто запихнули в машину и увезли!

– Бандиты? – уточнила Надежда.

– А знаешь, как-то они на бандитов не похожи, – протянул Павел Петрович, – те здоровые такие, затылки бритые, цепи золотые, а эти все в черном...

– В такую жару? – поразилась Надежда.

– Вот именно. И с виду некрупные, один так и вообще маленького роста, рыжеватый такой...

– Это плохо, – заметила Надежда, – потому что раз крепкий и относительно молодой мужчина не сумел отбиться от двух мелковатых парней – стало быть, эти двое – профессионалы.

– Ох, Надя, чует мое сердце, что не побывать мне этим летом в Париже! – вздохнул Павел Петрович.

Надежда тоже уверилась, что дело тут непростое, но вслух сказала, чтобы Павел не отчаивался, а следил за машиной, мол, может, что и удастся выведать.

Они увидели, как в дальнем конце улицы черный автомобиль свернул с проезжей части и въехал в ворота. Павел Петрович подъехал туда же и остановился. Перед ним был опущенный шлагбаум и будка охранника.

В окошко выглянул заспанный хмурый мужик и недовольно проговорил:

– Пропуск!

За воротами виднелись складские корпуса, пандусы, заросшие травой подъездные пути. Черная машина мелькнула последний раз и скрылась за одноэтажным кирпичным зданием.

– Пропуск! – повторил охранник, багровея.

Павел Петрович принялся мямлить что-то невразумительное. Сзади подъехала длинная грузовая фура, ее водитель начал нетерпеливо сигналить.

– Или быстро предъявляй пропуск, или освобождай проезд! – рявкнул страж ворот.

Соколов вывернул руль, отъезжая в сторону.

– Ну вот, – протянул он, – последняя ниточка оборвалась!

– Паша, а какие бумаги в той папке, которую оставила у тебя вчерашняя девушка? – поинтересовалась Надежда. – Может быть, по ним можно выяснить ее координаты?

– Вот смотри, – Соколов остановил машину возле тротуара и протянул розовую папку, – какой-то список...

Надежда отстегнула кнопочку и вытряхнула единственный листок. На нем в колонку были отпечатаны несколько фамилий и адресов.

– Севрюгина Л. Б., – прочитала Надежда, – улица Сверхсрочников, дом семь, квартира двадцать восемь... Варенец О. Т., Фиолетовый бульвар, дом шестнадцать... Туманян А. А., поселок Веселое... и еще несколько фамилий, – Надежда пересчитала, – всего десять человек.

– Ну и что мне делать с этим списком? – растерянно проговорил Павел Петрович. – Приходить к людям и спрашивать – не знаете ли вы такую девушку... да меня в лучшем случае за дверь выставят, скажут: зачем этот старый хрыч девчонку разыскивает?

– Действительно, – проговорила Надежда Николаевна, проглядывая список по второму разу, – то есть ты, конечно, вовсе не старый хрыч, но вряд ли нам так что-то удастся разузнать... мы даже не знаем, о чем спрашивать людей. Что это за список? Кто такие эти люди?

– Может быть, сотрудники ее фирмы? – предположил Павел Петрович. – И одна из этих фамилий – ее? Например, Севрюгина...

– Может быть, – с сомнением протянула Надежда, – но только я почему-то сомневаюсь. Ты же сказал, что эта девушка бережно обращалась со своей папкой, как будто это что-то очень важное. Вряд ли она так носилась бы со списком собственных сослуживцев! Нет, здесь что-то более серьезное... нам нужно понять, что общего между этими людьми...

– Пока мы во всем этом разберемся, – грустно произнес Соколов, – мой самолет улетит в Париж... без меня.

– Ладно, Паша, не огорчайся заранее, у нас с тобой еще есть немного времени. Давай-ка для начала сделаем вот что... когда я хочу что-нибудь вспомнить, я прихожу на то же самое место, где думала об этом прошлый раз. Давай и мы с тобой вернемся...

– Куда – к китайскому ресторану?

– Да нет, там мы сегодня уже были. Мы вернемся на то место, где ты вчера высадил девушку, на Обводный канал.

– Ладно, – согласился Павел Петрович, – на Обводный, так на Обводный, все равно никаких других мыслей у меня нет... тем более что нам дотуда совсем недалеко. И время как раз то же самое, что вчера.

Он больше не ворчал на Надежду и не спрашивал, с какой стати она лезет не в свое дело. Она тоже решила не поднимать этот вопрос, а притвориться, что у ресторана «Цветок сливы» они встретились совершенно случайно.

Павел Петрович развернулся, снова выехал на Московский проспект, доехал до Обводного, пересек его и свернул направо. Через несколько минут он притормозил возле мрачного дома из красного кирпича и вполголоса проговорил:

– Вот ведь незадача! Опять он здесь!

Метрах в двадцати от них возле тротуара стоял малиновый джип «Чероки». Обычно такой краской красят только пожарные машины, да и у тех оттенок несколько сдержаннее. Рядом со своим автомобилем, по-хозяйски облокотившись на него, возвышался невероятно рослый и широкоплечий парень с круглой, как блин, физиономией. Физиономия лучилась гордостью. Ясно было, что ее обладатель чрезвычайно гордится и своей могучей мускулатурой, и своей яркой машиной, и своим летним костюмом, едва не лопающимся на бицепсах, и дорогими часами, на которые он то и дело поглядывал, явно кого-то поджидая.

– Это именно тот бандит, который вчера согнал меня с места... ну, тот, который сказал, что здесь только он может ставить машину! – добавил Павел Петрович. – Надо же, как не повезло!

– А по-моему, как раз очень повезло! – отозвалась Надежда Николаевна, выбираясь из салона. – Не такой уж он с виду страшный, и может быть, мне удастся что-нибудь у него узнать.

Не слушая слабые возражения Павла Петровича, она подошла к владельцу малинового джипа и непринужденно обратилась к нему:

– Извините, ведь вы – знаменитый борец? Я вас видела по телевизору... можно попросить ваш автограф для моего племянника?

Гора мышц повернулась и молча уставилась на Надежду. Не найдя в ней ничего интересного, парень снова повернулся в сторону двора и застыл. Надежда решила не опускать руки, обошла парня и возникла перед его глазами снова. Не поленилась она и повторить вопрос.

Дошло с третьего раза, и парень неожиданно зарделся.

– Ну, я вообще-то не борец, – ответил он, – я хоккеист... и не такой уж знаменитый... хотя пару раз по телику меня показывали, было дело... ну, давайте, напишу вашему пацану... как его зовут?

– Вовка, – Надежда протянула спортсмену блокнот и шариковую ручку.

Тот обхватил ручку неловкими толстыми пальцами и размашисто написал на клетчатом листке блокнота: «Владимиру на память от Виталия Моржова».

Надежда Николаевна прижала руки к сердцу, выражая этим свою признательность, потом спрятала блокнот в сумочку и проговорила:

– Жарко как сегодня! А вы в этом месте часто бываете?

– Бываю, – скромно ответила звезда экрана.

– А вчера в это время не были?

– И вчера был. А только вам зачем? – спохватился парень.

– Понимаете, Виталий, – протянула Надежда, ухватив хоккеиста за пуговицу, – мой друг, – она бросила взгляд на скромную «девятку» Павла Петровича, – подвозил вчера девушку, как раз до этого места, и она у него в машине оставила бумаги. А его папку как раз забрала...

– Бывает... – неопределенно вымолвил Виталий.

– Так вот он хотел бы их вернуть, а свои назад получить, понимаете? – втолковывала Надежда. – Но там нет ни адреса, ни телефона... так вот я подумала, может, вы случайно что-нибудь заметили... Вы человек, я вижу, наблюдательный... – на всякий случай польстила она.

– Видел я вчера вашего... друга, – Виталий тоже покосился на «девятку», – мое место он занял... но врать не буду, заедаться не стал, сразу освободил... а девушку – нет, девушки никакой не видел...

– Та-ак! – раздался за спиной у Надежды Николаевны раздраженный голос. – Это кто тут у нас к посторонним мужчинам клинья бьет? А ты, Виталя, тоже хорош – на минуту нельзя одного оставить...

Надежда обернулась и увидела девушку, стоящую метрах в пяти от них, уперев руки в бока. Девушка была хороша, ничуть не хуже малинового джипа. Румянец во всю щеку, круглые, как пуговицы, голубые глаза, светло-рыжие кудри облаком вокруг головы, короткое, под цвет джипа, платье, усыпанное искусственными камушками и едва не лопающееся на высокой груди. Казалось, на этой девице красовался отчетливый штамп: «Собственность Виталия Моржова».

Камушки на платье, в ушах и на пальцах сверкали, а глаза девицы метали громы и молнии.

– Зоенька! – заворковал хоккеист. – Да ты чего подумала? Женщина автограф для племянника попросила... по-хорошему...

Девушка и сама, разглядев лицо Надежды и приблизительно определив ее возраст, смутилась. Ревновать к такому антиквариату было, безусловно, ниже ее достоинства. Однако она еще для порядка прикрикнула на хоккеиста.

– А вот, может быть, вы что-нибудь видели? – перекинулась на нее Надежда Николаевна, и повторила свой вопрос.

– А нечего девушек подвозить в таком возрасте и на такой рухляди! – недовольно проговорила еще не вполне остывшая Зоя, покосившись на «девятку», но устыдилась и задумалась. – Девушку... нет, вроде бы никакую девушку я не видела... – ответила она наконец.

Однако что-то в ее тоне заставило Надежду Николаевну продолжить расспросы:

– А может, вы что-то другое заметили? Ну, необычное...

Зоя поглядела с подозрением, но Надежду, если та хотела чего-то добиться, не так легко было смутить. Она твердо встретила Зойкин взгляд.

– Вон, видите там столярку? – Девушка показала на неказистое одноэтажное здание в глубине двора. – Так вот вчера там, за столяркой, вроде драка была, как раз когда я к Виталику шла.

– Драка? – переспросила Надежда. – А кто с кем дрался-то?

– Да вроде ребята из столярки с какими-то чужими... да не то что серьезная драка, а так... да я толком ничего и не видела! – Зоя пошла на попятный. – Да вы лучше Таньку спросите, может, она что заметила, она вечно на крылечке курит.

– Таньку? – заинтересовалась Надежда Николаевна. – А кто она такая, эта Танька?

– Так она там, в столярке работает. Не то секретарша, не то бухгалтер... и заказы оформляет, и с бумажками всякими...

– Ну, Зоенька, мы поедем? – подал наконец голос Виталий. – Нас там ребята уже ждут!

– Большое вам спасибо! – проговорила Надежда, поняв, что больше ничего уже не узнает.

– Привет Владимиру! – солидно проговорил хоккеист, и малиновый джип укатил, презрительно фыркнув мотором на старенькую «девятку».

– Надо идти в столярку, – сказала Надежда подошедшему к ней Павлу Петровичу, – ты все слышал?

– Слышал, – кивнул тот и спросил с уважительным интересом: – А ты что, Надя, правда, этого спортсмена узнала? Вот уж никогда не думал, что ты так спортом интересуешься!

– Да ничего я его не узнала! – развеселилась Надежда. – Просто на нем огромными буквами написано, что он спортсмен! Большой, сильный, интеллект в глазах не светится, но с виду добродушный... я и то сначала ошиблась, борцом его назвала, а он оказался хоккеистом...

– Ну надо же, – Павел Петрович огорчился, – а я на него подумал – бандит! Вот так обидишь человека!

– Да ты не расстраивайся! Ошибиться нетрудно. Многие спортсмены, когда карьера не залаживается, в бандиты переквалифицируются. Только они на самых первых порах учатся «лицо держать» – вырабатывают специальный взгляд, от которого все шарахаются. Без такого взгляда среди бандитов никак...

Павел Петрович запер машину, и они с Надеждой направились к одноэтажному зданию в глубине двора.

Вход в столярную мастерскую находился с обратной стороны, поэтому вполне понятно, что с набережной Обводного канала не было видно, что возле нее происходит. Никакой вывески около входа не имелось, но по доносящимся изнутри взвизгам дисковой пилы и по рассыпанным на крыльце опилкам становилось ясно, что делают за этой дверью.

Надежда решительно открыла дверь и шагнула внутрь.

Внутри помещение было разгорожено стеклянными переборками на несколько частей. В одной из них непрерывно что-то пилили и строгали, за другой перегородкой веселый парень с обвязанной платком головой красил готовую дверь. Перед самым входом мужчина лет сорока с заложеным за ухо карандашом задумчиво разглядывал небольшой чертеж. Увидев вошедших, он отложил этот чертеж и проговорил:

– Принимаем только на конец июля. Вам входные или межкомнатные?

– Межкомнатные что? – в растерянности проговорил Павел Петрович.

– Двери, конечно, – мужчина недоуменно пожал плечами, – а вы, интересно, зачем пришли?

– Мы пока только присматриваемся, – перехватила Надежда инициативу, – присматриваемся, прицениваемся, подбираем... нам квартиру еще только осенью сдадут.

– Ну вот, как раз сейчас и записывайтесь, – посоветовал мастер, – как раз пока квартиру получите, и здесь очередь подойдет, а насчет цены не сомневайтесь, дешевле, чем у нас, нигде не найдете! Потому у нас и очередь, и вывеску даже не вешаем – и без того от клиентов отбоя нет!

– Ну да, и налоговая инспекция не найдет, – пробормотала Надежда Николаевна себе под нос, а потом повысила голос: – А у вас девушка работала, Таня...

– Сегодня ее нет, – нелюбезно отрезал мастер.

– А вот вчера у вас вроде какая-то драка была...

– Послушайте, – столяр выпрямился и окинул Надежду подозрительным взглядом, – вы вообще насчет заказа или просто так? Что вы все спрашиваете, разнюхиваете? Я, между прочим, Татьяну после вчерашнего уволил! Мне ни к чему, чтобы тут посторонние шлялись и с моими ребятами в драку лезли! Мне неприятности не нужны!

– Да ладно, что вы, – Надежда Николаевна невольно попятилась, – я так просто спросила...

– Так просто в горсправке спрашивайте! – Мастер теснил подозрительных посетителей к дверям. – Да и там только за деньги! Ишь ты, она еще налоговой меня будет пугать! Да у меня все схвачено!

– Не сомневаюсь, – сухо проговорила Надежда, задом выходя в дверь, – а если вы так будете разговаривать, всех клиентов распугаете!

Павел Петрович без слов выскользнул вслед за ней. Как и большинство мужчин, он постарался не ввязываться в конфликт, стоя, так сказать, над схваткой.

– У меня клиентов хватает! – крикнул вслед посетителям вредный столяр. – Вон, аж до осени очередь!

– Бывают же такие хамы! – проговорила Надежда Николаевна, остановившись неподалеку от столярки и переводя дыхание. Сегодня и без того было жарко, а после ссоры со сто-

ляром она еще больше разгорячилась. – Некоторых людей никак не изменить, ему и клиенты не нужны...

– Лексеич – он такой! – послышался голос у нее за спиной. – Он сурьезный! Ежели что не по нем, так напустится – страх!

Надежда оглянулась и увидела небольшую сгорбленную старушку, опирающуюся на палку, с полиэтиленовым пакетом в свободной руке. На пакете было написано «Дольче энд Габбано», но в нем отчетливо просматривались не дорогие итальянские шмотки, а буханка хлеба и пакет молока.

– Лексеич – это столяр? – поддержала Надежда Николаевна разговор, кивнув на закрывшуюся дверь мастерской.

– Хозяин он, – охотно пояснила старушка, – на рабочих своих кричит – страх! Вчерась-то, когда они подрались, так после орал, чуть стекла в окошках не полопались! И уволить грозился... только куда ж он их уволит-то, кто ж ему работать-то тогда будет? Вот он Таньку-то уволит, так она и так ничего не делала, как мимо иду – все стоит да курит...

– Так что, бабушка, правда здесь вчера драка была? – поинтересовалась Надежда.

– Какая я тебе бабушка? – обиженно проговорила ее собеседница и поправила цветастый платок. – А тебе зачем?

– Да что ты ее спрашиваешь, – подал реплику хитрый Соколов, – женщина ведь ничего не видела...

– Это почему же я ничего не видела? – вскинулась обиженная старушка. – Я вот как вас сейчас вижу, так и их всех вчерась видела! Это просто страх, что здесь творилось! Сперва-то эти верх брали, а потом наши-то вмешались, ребята из столярки, да так тем накустыляли – просто ужас!

– Что-то я ничего не пойму, – продолжал разыгрывать свою роль Павел Петрович, – кто «те», кто «эти»? Только все и повторяете – страх да ужас!

– Ну так ежели и правда – страх! Слушай, – старуха повернулась к Надежде, – чего это у тебя мужик такой нетерпеливый? Скажи ты ему, чтоб помолчал!

– И правда, Паша, не перебивай человека! – попросила Надежда Николаевна.

Старушка посильнее оперлась на свою клюку и начала:

– Вчерась на углу сметану завезли по двадцать пять. Хорошая сметана, псковская...

– Двадцатипроцентная? – со знанием дела осведомилась Надежда.

– Двадцати, двадцати, – подтвердила старуха, – мне Петровна из восьмого номера и сказала. Ну, я банку взяла и пошла...

Рассказчица неожиданно замолчала и прикрыла глаза. Надежда решила уже, что не дождется окончания рассказа, но старуха подняла веки и сказала:

– Нет, сперва я к Васильевне из четвертой зашла, ей ведь тоже надо сказать, а с Петровной они не разговаривают.

Выдав эту ценную информацию, рассказчица снова прикрыла глаза и замолчала. Надежда Николаевна собрала всю свою волю в кулак и не стала подгонять старуху. Ее терпение было вознаграждено. Бабка громко откашлялась, склонила голову набок и продолжила:

– Купила я, значит, сметаны и пошла домой...

Вдруг она замерла и сосредоточенно уставилась в какую-то точку за спиной у Надежды. Та хотела было оглянуться, но старуха озабоченно проговорила:

– Ой, ведь я забыла! Еще я в булочную зашла, купила половину «Дарницкого» и батон, а уж потом вернулась! А про что я тебе рассказать-то хотела?

– Про драку вчерашнюю! – с бесконечным терпением напомнила Надежда Николаевна. Соколов у нее за спиной тяжело вздохнул и схватился за голову.

– Ну да, про драку... – согласилась старуха, – купила я, значит, сметану, хлеба половину и батон, иду домой, и вот тут как раз остановилась. А Танька-то, как всегда, на пороге курит.

Вдруг подходит к ней другая девчонка, из себя такая видная, не то что Танька. Та-то шалава шалавой, а эта одета хорошо, по всему видать – при начальстве. Или из жилконторы...

– Почему из жилконторы? – переспросила Надежда.

– А жировки у ней были...

– Жировки? Что еще за жировки?

– Ну чего ты такая непонятливая! – рассердилась старуха. – Ты что – за квартиру да за свет не платишь?

– Плачу, конечно! – терпению Надежды приходил конец, она держалась из последних сил.

– Ну, так, значит, и тебе тоже носят жировки! Бумажки такие, по которым платить!

– В папке? – неожиданно осенило Надежду.

– Ну, ясное дело, – в папке! Как же еще?

– Вот в такой? – Надежда Николаевна выхватила у Соколова розовую папочку с загадочным списком.

– Во-во, аккурат такая папочка! – обрадовалась старуха и продолжила: – Подошла, значит, эта девчонка к Татьяне, поздоровалась и что-то ей тихонько начала говорить, прямо на ухо, чтобы, значит, никто не слышал... а тут эти-то подбежали, хватают ее и ну тащить...

– Кто – эти? – переспросила Надежда.

– Ну до чего же ты нетерпеливая! – огорчилась старуха. – Вечно перебиваешь! Сказано же – эти, все в черных пиджаках, из себя такие – страх! Сразу видать – бандиты... Схватили ту девчонку, что к Таньке пришла, и ну ее тащить...

– И много их было?

– Ой, много! Человека три или четыре... двое ту девчонку тащат, а еще один Таньку держит, чтоб не мешалась, и рот ей зажимает. А только она, Танька-то, его лягнула да как заверещит! Тут из столярки ребята выскочили и ну с этими, которые в черном, драться... столяров-то много, и ребята здоровые, но и те не уступают. А девчонки обе тут и убежали... те, как увидели, что девчонок нет, и тоже побежали. Тут-то как раз Лексеич вышел и ну своих чеховстить... вы, говорит, бездельники и лоботрясы, мне, говорит, тут неприятности не нужны... а как узнал, что из-за Таньки вся эта драка приключилась, так вовсе разошелся. Я, говорит, сей же минут ее к чертям увольняю, чтобы ее, шалавы, здесь и духу не было! Только и знает, что курить да лясы точить, а работы от нее никакой не дождешься!

Старуха озабоченно взглянула на свой пакет и заключила:

– Заболталась я тут с тобой! Как бы молоко у меня не скисло!

Она развернулась и заковыляла к дому, постукивая клюкой. Надежда Николаевна обернулась к Павлу и сказала:

– Понятно теперь, почему она не вернулась к твоей машине. А девушка-то, судя по всему, непростая... не нравятся мне эти «трое или четверо в черных пиджаках»! Дело пахнет явным криминалом. Но зато теперь у нас есть свежий след.

– Какой еще след? – растерянно проговорил Павел Петрович.

– Разве не ясно? Нам необходимо найти эту Татьяну. Она приведет нас к твоей пропавшей девушке...

– Ну я не знаю, Надя... – протянул Соколов, – я не хочу нагружать тебя своими проблемами...

– Глупости! – отмахнулась Надежда. – Без меня ты все равно не разберешься!

Она не могла допустить и мысли, что такая увлекательная история будет продолжаться без ее участия. Разумеется, дело не ограничивалось приглашением Павла Петровича во Францию. Все было куда серьезнее. Знакомое покалывание в корнях волос говорило Надежде Николаевне, что она столкнулась с настоящей криминальной загадкой, и отнять ее у Надежды было так же невозможно, как согнать со свежего следа охотничью собаку.

– Что скажет Саша! – простонал Павел Петрович.

– Ничего! – холодно отрезала Надежда. – Он ничего не узнает! Надеюсь, ты не собираешься ему обо всем доложить?

– Нет, конечно...

– Ну так и все! Короче, ты хочешь получить свое приглашение и поехать во Францию?

– Да, конечно...

– Значит, разговоры закончены! Надо действовать!

Она вернулась к столярной мастерской, сделала Павлу знак дожидаться снаружи и бесшумно приоткрыла дверь.

К счастью, суровый хозяин мастерской удалился в дальний конец, где распекал кого-то из столяров. Надежда увидела молодого парня в заляпанном краской комбинезоне и поманила его:

– Молодой человек, можно вас на секундочку?

– Чего? – протянул парень, неторопливо приблизившись. – Если вам двери, так это к хозяину... – и он махнул рукой в ту сторону, откуда доносились крики.

– Больно он у вас сердитый, – вполголоса проговорила Надежда, – да мне по другому делу... мне бы Таню найти, которая у вас работала.

– Танька больше не работает, уволил он ее!

– Вот то-то и оно, – пригорюнилась Надежда Николаевна, – он со мной-то и говорить не станет, а мне бы Таню отыскать... я с ней на прошлой неделе говорила, так она комнату искала, недорогую, а то ей за свою дорого платить, а у меня тогда свободной комнаты не было, а теперь как раз жилец съехал, хороший жилец, непьющий и платил аккуратно, а теперь съехал, и у меня комната пустая, так мне бы теперь ее найти...

– Стой, тетя! – Парень потряс головой, как будто хотел вытрясти из уха воду. – Ничего не понимаю, какой тебе жилец непьющий нужен? При чем тут Танька? Чего ты от меня-то хочешь?

– Адрес ее, – невозмутимо проговорила Надежда, – я эту комнату ей сдам, откуда жилец съехал, недорого.

– Ладно, тетя, не грузи меня проблемами! – парень заглянул за перегородку и позвал: – Серега, подойди на минутку! Тут женщине Танькин адрес нужен!

Вытирая руки о фартук, к ним подошел чернородый мужчина лет тридцати и осведомился солидным басом:

– Какую надобность имеете?

– У меня жилец съехал, хороший такой был жилец, непьющий... – завела Надежда.

– Слушай, Серега, скажи ты ей Танькин адрес, а то она меня уже своим непьющим жильцом конкретно достала! – простонал первый парень. – Ты ведь к ней один раз ездил...

– Ну, ездил, – солидно кивнул Сергей, – только не надо из этого выводы делать, ясно? Исключительно по производственной надобности ездил, насчет морилки. Меня Алексеич лично посылал. По производственной надобности, понятно? А выводы незачем делать! Ну, записывайте адрес: улица Стоматологов, дом тридцать шесть, квартира сто восемнадцать. Только не надо выводы делать, это у меня память хорошая. А вы чего же не записываете?

– А у меня тоже память хорошая, – отозвалась Надежда Николаевна и вылетела из мастерской, увидев вдали приближающегося хозяина.

Улица Стоматологов нашлась в противоположном конце города. Павел Петрович остановил машину возле тридцать шестого дома и вытер клетчатый платком стекающий со лба пот. Жара стояла несусветная.

Выбравшись из машины, Надежда огляделась и уверенно направилась к подъезду. Павел, отдуваясь, поспедал следом. Неподалеку от нужной парадной девочки расчертили асфальт и играли в классики.

– Совсем как в нашем детстве, – умилилась Надежда, – хоть что-то не изменилось! Смотри, Паша, – вот отсюда надо перепрыгнуть в тот квадрат, а потом... ой! Что это!

Рядом с аккуратно начерченными мелом квадратами на асфальте был еще один рисунок – обведенный таким же мелом контур человеческого тела.

– А это, тетенька, здесь труп лежал, – невозмутимо пояснила кудрявая девочка лет десяти, перепрыгивая в следующий квадрат, – полиция всегда труп мелом обводит, перед тем как на труповозке увезти, вы разве в кино не видели? От них мел остался, вот мы теперь и играем в матрицу...

– Во что? – удивленно переспросила Надежда Николаевна. – Разве вы не в классы играете?

– В какие еще классы! – пренебрежительно отмахнулась девочка. – Нам классы в школе остолбенели! Мы в матрицу играем, кто первый до верха допрыгает, тот и будет Нео!

– Ясно, – растерянно кивнула Надежда, – а чей здесь труп лежал?

– Да это тетенька из сто восемнадцатой квартиры выкинулась, – равнодушно сообщила девочка и перепрыгнула в следующий квадрат.

– Из сто восемнадцатой? – Надежда ахнула и влетела в подъезд.

Дверь сто восемнадцатой квартиры была закрыта, и на ней не было никаких печатей.

– Может быть, девочка ошиблась, – пробормотала Надежда Николаевна и нажала на кнопку звонка.

Она звонила довольно долго, и когда уже отчаялась и хотела отступить, из-за двери донесся недовольный, заспанный голос:

– Ну иду, иду! Кого там черти принесли?

Дверь распахнулась, и на пороге появилось создание женского пола в полузастегнутом шелковом халате. Созданию было на вид лет тридцать пять, лицо у него было помятое и опухшее, голова обвязана розовым махровым полотенцем.

– Ну чего надо? – протянула эта нимфа, прикоснувшись рукой к голове и поморщившись от боли. – Ну не дают поспать!

– Вообще-то три часа дня, – удивленно проговорила Надежда.

– А вы знаете, когда я легла? Ну так и молчите! А еще утром полиция меня разбудила, вообще ни свет ни заря! Ну, чего надо-то?

– Полиция? – с опаской переспросила Надежда. – А нам вообще-то нужна Таня. Она дома?

– На Метростроевской она! – ответила женщина. – На Метростроевскую ее повезли.

– На Метростроевскую? А какой адрес? – выглянул из-за плеча Надежды Павел Петрович.

– Метростроевская, четыре, – отозвалась женщина, – ну вы там спросите, морг кто угодно покажет.

– Морг? – испуганно вскрикнула Надежда Николаевна. – Почему морг?

Женщина окинула ее изучающим взглядом и спросила:

– А вы вообще кто?

– С работы мы, – быстро проговорила Надежда, пока Павел Петрович не ляпнул чего-нибудь лишнего, – я бухгалтер, а он – от администрации. Ее, Таню, вчера уволили, так мы хотели уточнить у нее кое-какие детали...

– Ах, уволили! – Женщина оживилась. – Вот, наверное, она от расстройства и того...

– Чего – того? – переспросил Павел Петрович.

– Того – того! В окошко она сиганула!

– А вы ей, собственно, кто будете? – строго осведомилась Надежда, чтобы пресечь ненужные размышления и прояснить ситуацию.

– Соседка я, – ответила та, – вдвоем с Танькой живем... то есть жили, до сегодняшнего утра.

И женщина рассказала следующую историю.

– Вчера я немножко повеселилась, – при этом она поморщилась и потерла висок, – ну, пришла, само собой, не то чтобы рано. Спать завалилась, не успела глаза сомкнуть – в дверь звонят, стучат, прямо сумасшедший дом. Ну, я кое-как поднялась, сперва не хотела открывать, говорю – сейчас полицию вызову. А они мне – открывай, мы и есть полиция! И еще, само собой, кое-какие выражения присовокупили. Ну, что тут поделаешь? Пришлось открывать. Они мне с порога – где, говорят, твоя соседка? Я им вежливо так отвечаю – а где же ей быть? Дрыхнет, шалава, в комнате у себя! Они тогда комнату открыли – а Таньки нет, и окно открытое! Тогда менты на меня: соседка твоя внизу лежит мертвая, небось это ты ее выкинула либо по пьяному делу, либо из-за комнаты! Я им, понятное дело, – нечего, мол, меня на понт брать, я не какая-нибудь, адвоката Лившица хорошо знаю, и если что, у них неприятности могут быть по служебной линии, а у Таньки я и в комнате не была, мы с ней, честно сказать, не очень-то дружили. Ну, один тут озверел и хотел ко мне применить приемы рукопашного боя, но второй его оттащил и сказал, что они разберутся и чтобы я покамест никуда не уезжала. А мне куда уезжать? Мне уезжать некуда и незачем, мне одно бы только – выспаться... ну, они ушли, а я таблеток выпила и опять спать легла, а тут как раз вы...

– Ясно, – проговорила Надежда и переглянулась с Павлом Петровичем.

На самом деле ей ничего не было ясно.

Нужно было срочно посидеть где-нибудь в тишине и обмозговать все происшедшее. Скоро Надежда заметила вывеску небольшого кафе, выходящего одним концом на улицу Стоматологов, а другим – в безымянный переулок. Там был натянут веселенький полосатый тент и стояло несколько столиков в тени. Они заказали прохладное питье и мороженое. Девушка вскоре принесла Надежде апельсиновый сок, а Павлу Петровичу – безалкогольный коктейль с листиком мяты и плавающей вишенкой.

– Ой, Паша, – тяжело вздохнула Надежда, отпивая глоток ледяного сока, – беспокоюсь я за тебя. Ведь что получается? Неизвестные в черном гоняются за твоей девицей...

– Да не моя она!

– Неважно, – строго сказала Надежда, – не перебивай! Значит, она тоже не промах, знает, что ее ищут, поэтому осторожничает, оглядывается и очень нервничает всю дорогу. Она села в твою машину, потому что у тебя на лбу написано, что ты – порядочный человек и ни в каких криминальных историях не можешь быть замешан. Потом она просит завезти ее на Обводный и там подождать. То есть ей нужно было повидать там свою знакомую Татьяну. То ли она хотела ей что-то сказать, то ли что-то у нее взять, а скорее всего... – Надежду осенило, – она хотела спрятать у нее ту самую папку!

– Это еще зачем? – Павел Петрович едва не подавился вишенкой.

– Слушай, все сходится! – Надежда глядела на него горящими глазами. – Все дело в этой папке! Сам говорил, что она все время над ней тряслась! И конечно, она захотела как можно скорее от нее избавиться. То есть оставить в надежном месте. И придумала спрятать ее у Татьяны. Ну, какая-нибудь это ее знакомая, про которую не мог знать тот мужик в голубой рубашке, с которым она ссорилась у ресторана! А там, около столярки, ее уже ждали. Ну, пронюхали они как-то про эту Татьяну! Может, слышали, как девица с ней по телефону разговаривала, или еще как-нибудь... и вот, те трое в черном хотели девчонок забрать – заметь, обеих девчонок, чтобы свидетелей не оставлять, но тут не повезло им, столяры вмешались. Они ребята тертые, бывалые, не то что этот тип в голубой рубашке. Столяры быстро тем накостыляли, несмотря на то, что те трое – профессионалы, а девчонки под шумок смылись. А ночью

эти люди в черном пришли к Татьяне и убили ее! Из окна выбросили и все! Чтобы свидетелей не оставлять!

Официантка принесла мороженое, Надежде – ананасовое, а Павлу Петровичу – шоколадное.

– Плакало мое приглашение, – заметил Павел Петрович, уныло ковыряя ложечкой тающее мороженое, – наверное, девицу поймали, и оно пропало вместе с ней.

– Отнюдь! – невозмутимо сказала Надежда, слизывая с ложечки желтую массу. – Если бы они поймали девицу, то не стали бы сегодня хватать того мужика. Ну, в голубой рубашке, возле китайского ресторана. Она и так уже у них в руках, зачем им еще тот тип? А так они хотели от него узнать, где ее можно найти. Значит, девица все еще на свободе. Давай предположим, что после того, как девушкам удалось удрать из столярки, они разделились. Татьяна домой поехала, и мы уже знаем, что с ней случилось, а твоя знакомая...

– Да не моя она!

– Спокойно, – укоризненно проговорила Надежда, – на нас уже официантка смотрит. Так вот, та, вторая девица, сумела скрыться. Тогда, как в старом анекдоте, возможны два варианта: либо она прихватила папку с собой, либо люди в черном успели папочку у нее отобрать. Девушка все равно в опасности, поскольку эти типы, как мы уже убедились, не оставляют свидетелей. Тем более что в папочке-то совсем не тот документ, который они ожидали увидеть. Значит, они будут искать девчонку, а заодно и тебя, поскольку приглашение у них на руках подлинное, адрес и все прочие координаты в нем указаны, стало быть, такой человек, то есть ты, существуешь на самом деле и можешь что-то знать про девушку! И знаешь, я думаю, что на этом варианте мы и остановимся, потому что если бы папка была у девушки, она бы давно уже заметила, что папка не та, и связалась бы с тобой.

– Ну и очень хорошо! – оживился Павел Петрович. – Значит, если папка у тех типов в черном, то ко мне придут и спросят. И я с радостью обменяюсь с ними документами и выброшу эту историю из головы!

– Так-то оно так, – протянула Надежда, – но ведь они не любят оставлять свидетелей...

– Да я дам им честное слово, что понятия не имею, кто такая эта девица и что у нее было в папке!

– Ты-то дашь, да они-то не возьмут! – закричала Надежда и бросила ложку, так что растаявшее мороженое брызнуло на стол. – Ты же заглядывал в список, стало быть, знаешь слишком много!

– Ну, Надя, мне кажется, ты преувеличиваешь, – заговорил Павел Петрович, опасливо оглянувшись на официантку, – ну что такого опасного в этом списке? Просто перечень фамилий. Ну кто эти люди? Тайные агенты? Члены масонской ложи или участники террористической организации? Шпионская сеть, а некто Севрюгина – это резидент? Ну смешно же в самом деле...

– Да? А труп? – напомнила Надежда. – Татьяну-то убили...

– Да я знать не знаю ничего про эту Татьяну! – рассердился Павел Петрович – Я ее вообще ни разу в жизни не видел! Мне со своими делами бы разобраться... Да, может, она тут и ни при чем! Ну, перепила девушка или перекололась, ночью вместо двери вышла в окно, да мне-то что за дело? А ты уж сразу целую теорию тут выстроила и теперь факты к ней подгоняешь! Ох, как я Сашу понимаю!

– Что? – зловеще прошипела Надежда. – И ты туда же? Мало мне мужа, так еще ты будешь воспитывать!

– Да я ничего такого не сказал, – пошел на попятный Павел Петрович, – а только энергии у тебя слишком много, вот. И надо бы ее как-нибудь в мирных целях использовать, о муже больше заботиться...

– Ах так? – Надежда даже задохнулась от злости. – Это Саша тебе сказал, что я о нем не забочусь?

– Да нет... он ничего такого... – забормотал Павел Петрович, – да это я так сболтнул...

– Делай как знаешь, живи как хочешь! – сердито буркнула Надежда, поднимаясь с места. – Сам со своими проблемами разбирайся, я больше тебе не помощница!

Не оглядываясь, она выбежала на улицу и припустила к станции метро. Павел Петрович поглядел на бурую гадость, в которую превратилось его растаявшее мороженое, и тихонько выругался сквозь зубы.

В метро Надежда просто полыхала от злости. Нет, вы только подумайте! Она, видите ли, занимается всякой ерундой вместо того, чтобы заботиться о муже! Да как у Павла язык повернулся такое сказать! А еще друг называется!

В растрепанных чувствах пришла Надежда Николаевна домой и еще больше расстроилась, увидев пустую квартиру. Кот уныло сидел на подоконнике, он тоже скучал по Сан Санычу. Надежда полила цветы и тщательно проверила их на предмет повреждений.

Кот Бейсик имел много достоинств – он был пушист, красив и вальяжен. Сан Саныч еще утверждал, что Бейсик – кот большого ума. Надежда не всегда с этим соглашалась, но что кот – ужасный вредина и хулиган, знали все друзья и знакомые. Сан Саныч прощал своему любимцу все, Надежда же никак не могла простить ему истребление комнатных цветов. Мерзкое животное объедало все зеленое, что высывалось из земли хотя бы на миллиметр, причем, по наблюдению Надежды, кот делал это исключительно из хулиганских побуждений. Надежда буквально со слезами на глазах умоляла друзей не приносить ей букеты на день рождения. Сил не было смотреть, как бессовестный котяра, улучив минутку, прорывался к букету и грыз все: роскошные белые лилии, розы с шипами, откусывал головки у гвоздик, а при виде тюльпанов радостно топорчил усы, и он заглывал цветок целиком, с лепестками и листьями.

Летом, однако, дело обстояло по-иному. У Надежды с котом был договор: коту высаживают целый ящик отборной зеленой травки, а кот за это не трогает остальные цветы на балконе. И сейчас Надежда придирчиво исследовала каждый цветок, но не нашла следов вандализма рыжего хулигана.

Кот залег в своей траве и алчно сверкал оттуда зелеными глазами.

– Только попробуй что-нибудь сделать с цветами, – пригрозила Надежда, – и я высажу в ящики ядовитую цикуту! Тогда узнаешь!

Кот пренебрежительно хмыкнул, Надежда Николаевна и сама не верила в свои угрозы.

Возня с цветами ее немного успокоила, потом Надежда с котом попили чайку, потом Надежда вымыла посуду и окончательно примирилась с судьбой. Она поняла, что муж, конечно, Павлу на нее никогда не жаловался, не такой это был человек, и что Павел сболтнул про это просто так. Ну, расстроен он, конечно, поездка в Париж срывается. А кого винить в этом? Да, кроме себя, некого. Сам виноват, прошляпил важные документы. Но покажите мне такого мужчину, который сам по собственной воле признает свои ошибки. Да никогда в жизни такого не будет, даже если припереть его к стенке! Разве что нож к горлу приставить... Нет, мужчина всегда найдет кучу оправданий: он не виноват, что так сложились обстоятельства, он виноват только в том, что слишком порядочен и доверчив, словом, мигом оправдывается в собственных глазах. И сорвет злость на близком человеке. В данном случае рядом с ним оказалась Надежда, потому что жена отдыхает спокойно в Крыму и ни о чем не думает... Хорошо ей – Надежда вздохнула, лежишь себе на песочке, присматриваешь за внуком, и никаких забот...

По телевизору показывали сериал про частных сыщиков. Надежда с интересом поглядела, как симпатичный молодой актер осуществляет слежку за неверной женой, и с сомнением покачала головой. Где же правда жизни, граждане? Дама не слишком молода, но глаза-то у нее на месте. А тут такой красавец в полном расцвете молодости ходит за ней полдня! Да она

приметила его сразу же! И если не полная дура, то сообразит, что вряд ли такой мужчина влюбился в нее с первого взгляда и полдня ходит, пытаюсь познакомиться. Стало быть, либо это маньяк, либо сыщик. Неинтересный фильм!

Надежда выключила телевизор, побродила немного по квартире и решила позвонить Павлу. А то нехорошо как-то они расстались. Не дело это – по пустякам ссориться. Она набрала номер, но трубку никто не брал. Надежда слегка встревожилась. Расстались они часов в шесть вечера, пока она доехала домой, пока возилась на балконе, ужин, телевизор... А Павел-то на машине, стало быть, успел бы домой быстрее. Впрочем, это как раз не факт, мог застрять в пробке надолго. Но не на три же часа! Сейчас без пятнадцати девять, и Павел обязательно к этому времени должен быть дома, потому что жена будет звонить из Ялты, он сам говорил. Стало быть, дел у него никаких быть не может. Но где же он тогда ходит?

В последующие полчаса Надежда набирала номер Соколовых каждые пять минут и сильно заволновалась, потому что трубку по-прежнему никто не брал. Возможно, у Павла был мобильник, но Надежда не знала номера. Мимоходом она поглядела на себя в зеркало, увидела встревоженное лицо и дала волю своим опасениям. Павел мог попасть в аварию – расстроен человек сильно, или же его настигли те самые люди в черном...

Про людей в черном Надежда додумывала уже на бегу, потому что подхватила внезапно и решила ехать на квартиру Соколовых, чтобы проверить свои опасения на месте. Если телефон у Павла просто не работает, все разъяснится, а если его нет, то она хоть записку оставит. А иначе она все равно ночью не заснет от беспокойства.

Надежда Николаевна очень доверяла своей интуиции, а интуиция подсказывала ей, что дело, в которое оказался замешанным Павел, очень опасное, что бы там он ни говорил.

На дворе был чудесный летний вечер, жара уже спала, а сырости еще не было. Ехать до Соколовых было не так далеко – шесть остановок на метро. Надежда прибодрилась и быстро зашагала вперед.

К Павлу она добралась довольно быстро, выходя из метро, позвонила еще раз по телефону. Трубку никто не взял, и Надежда устремила к дому Соколовых. Сначала она исследовала пяточок, где жители дома ставили свои машины. «Девятки» Павла там не было. Сама не зная для чего, Надежда решила обойти дом, чтобы заглянуть в окна квартиры Соколовых на первом этаже. За углом, рядом с раскрытым подвальным окошком, была большая куча песка, а также валялись битые кирпичи. Надежда воровато оглянулась по сторонам и спрятала в непрозрачный полиэтиленовый пакет половинку кирпича, потом помедлила чуть-чуть и сунула туда же вторую. Ручки у пакета угрожающе натянулись, тогда Надежда сунула сверток под мышку и зашагала с самым независимым видом.

На окна квартиры Соколовы давно уже поставили решетки – жена Павла утверждала, что иначе ни минуты не будет спать спокойно. Решетки были на месте, занавески задернуты – на первый взгляд в квартире все было в порядке. Надежда вздохнула и отправилась к подъезду.

Павел Петрович, расставшись с Надеждой, посидел еще немного в кафе, бездумно глядя перед собой, потом спохватился, что у него много дел и что раскисать сейчас не время. В конце концов, подумал он, не поедет он в Париж – ну что такого страшного? Обидно, конечно, и перед Гийомом неудобно, но переживем... С такими благими мыслями Павел Петрович сел в машину и поехал в институт. Там он по жаркому времени никого не застал, кроме старой перечницы Варвары Симеоновны. Все знали, что старуха упорно не желает уходить на пенсию, опасаясь, что ей подsunут нянчить правнука. Самое интересное, что никто и не собирался этого делать, даже Павел Петрович помнил, что она и с внуками-то никогда не сидела. Так или иначе, но Варвара прочно обосновалась на кафедре и заявила коллегам, что избавятся они от нее только в том случае, если вынесут вперед ногами. В выражениях она никогда не стеснялась. Студенты боялись ее как огня, коллеги сторонились, начальство предпочитало не связываться.

Павел Петрович посмотрел на столе у секретаря свое расписание на ближайшие три дня и хотел было тихо улизнуть, но Варвара, которой, надо полагать, было скучно, втянула его в научный спор минут на сорок. Еле вырвавшись из Варвариных когтей, Павел Петрович заторопился домой. Жена обещала звонить из Ялты, и нужно заранее быть дома, чтобы она не заподозрила по запыхавшемуся его голосу, что случилось нечто из ряда вон выходящее, и не стала задавать ненужные вопросы. Час, когда люди возвращаются с работы, уже миновал, так что Павел Петрович довольно быстро приближался к своему дому. И только он было порадовался, что скоро окажется дома, как проклятая машина заглохла на перекрестке, он еле успел приткнуться к поребрику.

Павел Петрович ничуть не смутился, потому что норы своей «девятки» знал отлично. Он вышел из машины и открыл капот. Посмотрел задумчивым взглядом, потом проверил свечи и зачистил контакты. Машина стояла насмерть. Павел Петрович ужасно устал за сегодняшний бестолковый день, да и до дому было рукой подать, так что он не стал бороться с упрямой машиной, а поднял руку. И тут же остановился какой-то добрый самаритянин на такой же выдавшей виды «девятке» и предложил помощь.

– Встала, зараза, – пожаловался Павел Петрович, – подтяни ты меня на «галстук», тут недалеко совсем.

Добрый человек согласился без возражений, даже одолжил свой трос. По дороге Павлу Петровичу пришла мысль завезти машину к знакомому мастеру Васильичу, благо тут недалеко, а он все равно собирался это сделать на неделе.

Васильич был на месте, но жутко недоволен, потому что работы навалили выше головы, а сверхурочные хозяин не оплачивает. Павел Петрович долго его уламывал и наконец получил разрешение оставить свою «девятку». Когда он подходил к дому, было уже почти десять, жена небось оборвала телефон и волнуется, куда он подевался.

Он вывернул из-за угла совсем не с той стороны, где ставил обычно машину, открыл железную дверь, привычно расстроившись по поводу в который раз сломанного замка, и поднялся по ступенькам, не сворачивая к лифту, потому что его квартира находилась на первом этаже. Жена очень переживала по этому поводу, и Павел Петрович вместе с двумя соседями отгородился от лестницы надежной железной дверью с хорошим замком. И только он потянулся за ключами, как вдруг невесть каким образом возникли у него по бокам двое молодых людей в черных костюмах. Один из них сильно сжал его локти, а второй залез в карман. Павел Петрович был не то чтобы робкого десятка, но от природы человек неконфликтный. Однако неправильно было бы думать, что он никогда не умел постоять за себя. В данном случае не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что ребята в черном явились по его душу и настроены они серьезно.

– Какого черта? – заорал профессор Соколов как можно громче, а сам попытался вырваться из цепких рук.

– Тихо, – прошипел кто-то ему в ухо, – не рыпайся...

Павлу Петровичу показалось даже, что в спину ему ткнулось что-то твердое – не то нож, не то вообще пистолет.

«Еще пристрелят тут в собственной парадной!» – всерьез испугался он, однако продолжал вырваться и даже довольно успешно пнул пару раз кого-то ногой. Чужие руки нашарили у него в кармане ключи, и второй парень склонился к замку на двери. Павел Петрович снова пнул ногой, но попал по двери, и она ответила негодующим гулом. Он подумал, что если эти двое протащат его в квартиру, то там уж точно никто не поможет, и крикнул что-то нечленораздельное. Рука в черном рукаве зажала ему рот, Павел Петрович захлебнулся воздухом, закашлялся, а тот, другой, уже открыл дверь тамбура. И в это самое время рядом раздался глухой удар, как будто пыльный матрас начали выбивать, и руки, держащие Павла Петровича,

ослабили захват. Он отплевался от противно пахнущей ткани черного пиджака и услышал удивительно знакомый голос:

– Пожар! Горим! Сейчас газ взорвется!

Павел Петрович отбросил ослабевшие руки парня в черном и, повернувшись, увидел, как Надежда с размаху опустила какой-то сверток парню на плечи. Снова раздался удар, как по матрасу, и парень рухнул на лестничный пол. Все случилось за несколько секунд, причем Надежда еще не переставая орала про пожар и утечку газа. Тип, что возился с ключами, обернулся, конечно, на крик сразу же, но до Надежды ему было никак не добраться, потому что на очень узком и неудобном пространстве боролись трое, да еще его напарник удивительно неудобно валялся под ногами. Кажется, он был в сознании, но от ударов временно потерял способность соображать и передвигаться.

Тот, второй, все порывался заткнуть рот Надежде, но на пути его находился Павел Петрович, тогда он, не примериваясь, стукнул его, но не слишком сильно, попал в живот. Павел Петрович охнул и согнулся, Надежда же от его крика пришла в совершеннейшую ярость и размахнулась пакетом, намереваясь сокрушить противника раз и навсегда. Несомненно, так бы и было, потому что Надежда метила в голову, но у типа в черном была отличная реакция, так что он уклонился, и удар невероятной силы обрушился на дверь. Железная дверь отозвалась так громко, что слышали все, да и дом малость покачнулся.

– Паша! – Надежда бросилась к Соколову и временно выпустила из виду своих противников, выронив пакет на ногу первому из пострадавших, тому, кто и так уже лежал на полу.

То взвыл и немного пришел в себя. Второй тип устремился к Надежде и схватил ее за руку, намереваясь оттащить от Павла Петровича, и в это время распахнулась дверь тамбура, и соседка Анна Ильинична выплеснула на лестницу ведро холодной воды. Вода попала на парня в черном, потому что он находился ближе всех к двери, но Надежде тоже досталось. Однако она не растерялась, отпихнула парня и зашарила по полу в поисках своего оружия – непрозрачного полиэтиленового пакета, одновременно крича соседке, чтобы немедленно вызывала полицию, налицо, мол, бандитское нападение на мирных граждан.

Очевидно, парень в черном решил, что сегодня у него выдался на редкость неудачный день и что с него хватит. Он подхватил своего напарника за плечи, тот к тому времени настолько пришел в себя, что смог самостоятельно перебирать ногами. Оба устремились к двери подъезда. Надежда нашла наконец свой пакет и метнула его вслед парням. Пакет попал ушибленному пониже спины, уж такое, видно, было его счастье. Парень взвизгнул и, повинаясь закону инерции, быстро проскочил в дверь.

– А где горит-то? – спросила соседка.

– Душа у меня горит от этих негодяев! – энергично отозвалась Надежда. – Здравствуйте, Анна Ильинична!

Она так часто бывала у Соколовых, что даже знала соседку.

– Сижу я, чай пью, – рассказывала Анна Ильинична, – слышу – кричат про пожар. Я подошла, принимаюсь, вроде дымом не пахнет. И тут как грохнуло – ну, думаю, и правда, газ взорвался. Я воды набрала, да и плеснула.

– Ох, спасибо вам! – Павел Петрович с трудом разогнулся. – Надя, объясни, бога ради, что такое у тебя в пакете?

Надежда молча показала ему две половинки кирпича. Соседка только головой качала. Полицию решили не вызывать – время позднее, тем более что сами с неизвестными хулиганами разобрались. Тут раздался телефонный звонок, и Павел Петрович побежал рапортовать жене. Когда он отчитался, что все у него в относительном порядке, и повесил трубку, Надежда подала ему стакан крепкого горячего чая и поглядела очень строго.

– Ну, теперь ты понял, что все это серьезно?

– Понял, – Павел Петрович повесил голову, – но как же ты вовремя появилась, Надя!

– Ты скажи спасибо хулиганам, что замок на двери подъезда они сломали! – вздохнула Надежда. – А то бы я не успела... Живот болит?

Павел Петрович ощупал себя и сказал, что болит, но не сильно.

– Вот что, Павел, – решительно заговорила Надежда, – так просто они тебя в покое не оставят. Теперь уже ясно, что твоя папка у них и что им очень нужно с тобой побеседовать. А чем эта беседа закончится, можно только предполагать, эти люди шутить не любят.

– Вот ты говорила – профессионалы, – Павел Петрович хотел было рассмеяться, но поморщился от боли в животе, – хороши профессионалы, если одна женщина с ними справи-лась!

– Ну, продолжай уж, договаривай, – ворчливо заметила Надежда, – женщина – слабая и немолодая.

– Извини... – смутился Соколов.

– Да ладно. Но вот что я тебе скажу, Павел, я, конечно, не растерялась, да еще кирпичи вовремя прихватила, и соседка тут помогла, но потому так легко все прошло, что этим типам в черном велели тебя привезти для допроса. Там неизвестно, что потом будет, но пока им велели тебя не трогать. А если бы им нужно было тебя убить, они бы отлично это успели. Да и меня тоже...

– Ты всегда трезво смотришь на вещи, – грустно заметил Павел Петрович.

– И реально оцениваю собственные силы! – добавила Надежда.

Они посидели немного молча, потом Надежда распорядилась, чтобы Павел немедленно собирал вещи.

– Поедешь в Озерки, в мою однокомнатную квартиру! – заявила она тоном, не терпящим возражений. – Пока все не утрясется, будешь там жить! Квартира сейчас пустует, никто там не живет, так что все отлично складывается!

– Машину у сына возьму, он все равно в отпуске, – согласился Павел Петрович. – Но что же дальше-то делать?

Надежда прикрикнула на него, чтобы собирался быстрее и не задавал пустых вопросов. Завтра, мол, будет день и будем думать, утро вечера мудренее. Ей ужасно хотелось спать.

Она тихонько провела его в свою однокомнатную квартиру, не встретив никого из соседей. Это и к лучшему, подумала Надежда, не нужно никому ничего объяснять. Павел Петрович сказал, что с утра у него дела в институте, а днем они встретятся и все обсудят.

Среда, 21 июня

Наутро Надежда закрутилась с домашними делами, потом отправилась в химчистку, в ремонт обуви и по магазинам, а когда вернулась, был второй час.

Еще с лестницы она услышала телефонные звонки.

«Саша звонит из Москвы!» – подумала она и бросилась к двери. Ключ, как назло, никак не попадал в замочную скважину и вообще чуть не выпал из руки. Наконец она справилась с замком и влетела в комнату. Телефон захлебывался истеричными звонками и чуть ли не подпрыгивал на тумбочке от нетерпения. Кот Бейсик сидел рядом с ним и делал большие глаза.

– Хоть бы ты научился отвечать по телефону! – в сердцах выговорила Надежда коту и схватила трубку.

– Саша?

Но это был не муж. Совершенно незнакомый и очень официальный голос осведомился:

– Гражданка Лебедева?

– Да, – отозвалась Надежда и опустилась на стул.

Она очень боялась таких официальных голосов. От них не приходилось ждать ничего хорошего.

– Надежда Николаевна? – уточнил официальный голос.

– Да, это я... – ответила она и на всякий случай схватилась за сердце, – а что случилось?

– Гражданин Соколов Павел Петрович вам знаком?

– Д-да... – еле слышно проговорила Надежда.

Она вспомнила вчерашний эпизод в темном подъезде, и сердце провалилось куда-то вниз. Неужели с Пашей случилось что-то страшное? Неужели его все-таки достали те парни в черном?

– Я попрошу вас приехать по адресу... – и незнакомый голос назвал Надежде адрес ее собственной однокомнатной квартиры.

– Зачем? – в ужасе спросила Надежда Николаевна.

И незнакомый голос ответил именно то, чего она больше всего боялась:

– На предмет опознания гражданина Соколова.

Так и есть! Павла нашли у нее в квартире и убили!

– А вы... кто? – Надежда инстинктивно прижала к себе кота – единственное оказавшееся в эту страшную минуту рядом с ней родное существо. Кот фыркнул и деликатно высвободился.

– Старший сержант Огурцов, – отозвался незнакомец.

– Я сейчас приеду...

Она бросила трубку, вскочила как во сне, на автопилоте вылетела из дома, поймала на проспекте частного и помчалась в Озерки. Перед ее внутренним взором вставали картины одна ужаснее другой. Ей представлялся Паша, лежащий на полу в луже крови. В груди у него было огромное пулевое отверстие. Или – торчала рукоять ножа...

Расплатившись с водителем, Надежда буквально взлетела на пятый этаж. Дверь ее квартиры была открыта. В прихожей топтался крупный молодой полицейский с наивным веснушчатый лицом и большими оттопыренными ушами.

– Гражданка Лебедева? – проговорил он, удивленно уставившись на красную растрепанную Надежду.

– Да, – воскликнула та, хватаясь за сердце, – где он? Или вы его уже увезли?

– Зачем увезли? – Полицейский невольно попятился, отступая в сторону кухни. – Куда увезли?

– В морг! – выкрикнула Надежда страшное слово.

– Почему в морг? Он здесь... – и парень распахнул дверь кухни.

Надежда Николаевна зажмурилась, чтобы оттянуть страшный момент. Затем она собралась с силами и открыла глаза, ожидая увидеть одну из представлявшихся ей по дороге картин.

Однако она увидела совсем другое.

Павел Петрович сидел посреди кухни на табуретке, красный как рак. Под левым глазом у него наливался изумительный живописный синяк. Правое ухо распухло и горело, как Вечный огонь на Марсовом поле. Руки он сложил на коленях, а взгляд опустил в пол, как будто изучая узор линолеума. Рядом с ним сидел унылый коренастый полицейский лет тридцати с отчетливо намечающейся лысиной. Он разложил на кухонном столе какие-то бумаги и заполнял их, от усердия высунув кончик языка и покачивая ногой.

– Паша! – воскликнула Надежда, подбегая к Соколову. – Ты жив!

– Понимаешь, Надя, – проговорил тот виновато, – я выходил утром по делам, а когда вернулся, забыл отключить сигнализацию... ну, тут вдруг эти... ребята ворвались и повалили меня на пол...

– А гражданин Соколов попытался оказать сопротивление, – вредным голосом сообщил полицейский, не отрываясь от бумаг.

– Понимаешь, Надя, я подумал, что это... злоумышленники, – признался Павел Петрович, – ну, после вчерашней истории...

– Что за история? – заинтересовался полицейский и поднял глаза. – С вами вчера что-то произошло?

– Ничего-ничего! – хором воскликнули Надежда Николаевна и Павел Петрович. – Совершенно ничего!

Полицейский окинул их долгим подозрительным взглядом и хмыкнул:

– Допустим... значит, гражданка Лебедева, я так понимаю, что вы опознаете находящегося здесь гражданина Соколова?

– Опознаю, – с тяжелым вздохом согласилась Надежда.

– Тогда распишитесь вот здесь, – он ткнул кончиком ручки в пустую графу, – и очень вас прошу, предупреждайте своих гостей, чтобы они своевременно отключали сигнализацию...

– Конечно, – энергично кивнула Надежда, расписываясь в клеточке.

– Так и быть, мы не станем возбуждать дело по факту сопротивления сотруднику полиции при исполнении обязанностей... не станем, Малинин?

– Не станем, – отозвался из коридора лопухий и появился на пороге кухни.

– Спасибо... – пробормотала Надежда, – может быть, чаю? Или кофе? У меня печенье есть, домашнее...

– Мы вообще-то торопимся... – задумался старший сержант Огурцов, – но если уж домашнее...

Через полчаса Надежда Николаевна проводила Малинина и Огурцова и закрыла за ними дверь. При этом она заметила выглянувшую на площадку соседку Марью Петровну. Вид у соседки был весьма заинтересованный, но Надежда сделала вид, что не понимает намеков, и захлопнула дверь своей квартиры.

Когда Надежда вернулась на кухню, Павел Петрович обиженно проговорил:

– Еще печеньем домашним их угощать... А они меня, между прочим, на пол, и руки за спину...

– Я же тебе говорила, что приходя, надо в первую очередь отключать сигнализацию! – произнесла Надежда Николаевна голосом занудной учительницы младших классов.

– Ну да... а я забыл, задумался, – покаянно признался Павел Петрович, – а они сразу на пол и руки за спину...

– Ну конечно, ты, как всякий профессор, очень рассеянный, – подначила его Надежда, – все время думаешь о чем-нибудь умном... а простые житейские вещи забываешь. Поэтому и папочку перепутал...

– Да не я перепутал, а девица эта! – воскликнул в сердцах Павел Петрович.

– Ну ладно, – жалилась над ним Надежда, – после драки кулаками не машут.

Она намочила полотенце холодной водой и приложила к горящему уху Павла Петровича. С синяком уже ничего нельзя было сделать, теперь он пройдет все стадии – сначала станет фиолетовым, потом с прозеленью и через несколько дней начнет желтеть. Полностью же желтизна спадет только через неделю, так что можно надеяться, что в Париж Павел Петрович попадет с обычным лицом, и французы не испугаются. Однако на всякий случай Надежда все же смазала синяк рассасывающей мазью и нашла в ящике стола темные очки.

– Скажи, Паша, – спросила она с обманчивой лаской в голосе, – будешь ли ты меня слушаться?

– А у меня есть выбор? – в ответ спросил несчастный профессор Соколов.

– Вообще-то нет, – честно сказала Надежда. – Так что теперь нам точно ничего не остается, кроме как идти по тому списку. Кто там у нас первый – Севрюгина?

– Севрюгина Л. Б., – с выражением прочитал Павел Петрович, достав из ящика стола злополучный список, – улица Сверхсрочников, дом семь, квартира двадцать восемь...

– Ну вот и хорошо, – удовлетворенно кивнула Надежда, – улица Сверхсрочников отсюда недалеко, так что с нее и начнем.

– Ну и как ты собираешься войти к незнакомым людям? – скрипел Павел Петрович, карабкаясь вслед за Надеждой по лестнице. Он и без того чувствовал себя утомленным и разбитым после столкновения с полицией.

Лифт в доме номер семь по улице Сверхсрочников не работал, к счастью, подниматься пришлось не очень высоко – на пятый этаж.

– Я полагаюсь на интуицию, – отмахнулась Надежда Николаевна, – в общем, буду действовать по обстоятельствам...

Едва она прикоснулась к кнопке звонка, дверь двадцать восьмой квартиры открылась, и перед Надеждой возникла дама, как принято говорить, бальзаковского возраста, то есть то ли прилично за сорок, то ли около пятидесяти. На самом деле Бальзак писал о тридцатилетних женщинах, но с тех пор представления о возрасте значительно изменились.

Дама была весьма солидной комплекции. На ней был синий шелковый халат, расписанный золотыми иероглифами, из-под которого некрасиво выпирала обильная рыхлая плоть.

Только Надежда открыла рот, чтобы выдать какую-нибудь домашнюю заготовку, как хозяйка перехватила у нее инициативу и выпалила:

– Как вы быстро! Я вас еще и не жду! Ой, а вы с мужем? А я не одета! – И она не без кокетства поплотнее запахнула халат.

Павел Петрович скроил на лице свою самую приветливую улыбку и на всякий случай спрятался за Надежду. Надежда пыталась что-то сказать, но хозяйка говорила без умолку, не давая ей вставить ни слова:

– Анжелочка мне так вас и описывала! Нет, ну она же мне просто как родная! Это такая женщина, что поискать. Но только ведь вы совсем худенькая, так вам и необязательно что-то делать, вам можно все себе позволять... как я вам завидую! Это же просто мечта...

– Это я-то худенькая? – с грустью проговорила Надежда Николаевна.

Она уже много лет неустанно боролась с лишним весом, и борьба эта шла с переменным успехом. Сейчас Надежда находилась на такой стадии, когда вес временно победил. Конечно, по сравнению с мадам Севрюгиной – а Надежда надеялась, что видит перед собой именно ее – она была еще очень даже в форме, но никогда нельзя сравнивать себя с худшими образцами. Это приведет к уступкам и ослаблению позиций, а в конечном счете – к неизбежной капитуляции перед надвигающейся полнотой. Перед собой нужно поставить какой-то лучший образец, положительный пример, можно даже сказать, – недостижимый идеал.

Надежда Николаевна в качестве такого идеала выбрала французскую актрису Катрин Денёв.

Но мадам Севрюгина и слушать ее не хотела.

– Вы худенькая! – воскликнула она с жаром. – Вы просто тростиночка!

– А вы мне льстите... – грустно проговорила Надежда.

Тем временем хозяйка провела гостей на кухню и показала Надежде Николаевне поллитровую банку, в которой пузырилась какая-то отвратительная светло-коричневая жидкость. Банка испускала такое зловоние, что у Надежды запершило в горле и слегка закружилась голова.

– Вот он, – проговорила хозяйка с глубоким, но каким-то странным чувством, – я вам уже отсадила порцию. Как Анжелочка мне позвонила, так я его для вас и приготовила.

Надежда смотрела на банку в растерянности. Мадам Севрюгина перехватила ее взгляд и трактовала его по-своему.

– Вы не волнуйтесь, что он такой светленький, он просто еще молоденький. Это он сначала всегда такой, когда его отсадишь. А он у вас поживет и станет темненький, как у Анжелочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.